

От «тирании кузенов» к единению и развитию

В далеком уже 2000 году японский коллега, приехавший в Душанбе изучать таджикский мирный процесс, спросил меня, как формируется правящая политическая элита и осуществляется отбор в руководящие и исполнительные структуры. Ему, представителю страны, пережившей разруху и поражение в войне, но сумевшей в течении считанных десятилетий стать одним из мировых лидеров, было интересно узнать, каким образом Таджикистан намеревается мобилизовать национальные ресурсы для выхода из кризиса. В ответ, я пустился в пространные рассуждения о сложной структуре таджикского общества, чувствительности общин, региональном балансе и прочей местной архаике. Тогда, мой собеседник, обычно деликатный в том, что касается национальных чувств собеседника, воскликнул: « если это так, то у вас нет будущего»!

В том момент я не придал особого внимания его: «нет будущего». Семь лет назад в таджикском обществе царил эйфория, связанная с окончанием гражданской войны и все виделось в радужном цвете. Выдвинувшиеся в ходе вооруженного конфликта таджикские элиты сложив оружие сошлись на взаимоприемлемом распределении власти и ресурсов. Оппозиция же, движимая понятным стремлением не нарушать хрупкий мир фактически приостановила свою политическую деятельность. Вернее, она ее не начинала. Квота в 30%, отведенная ей в правительстве никаким образом не способствовала демократическим реформам, так как большинство бывших оппозиционеров не замедлило просто присоединиться к власти, ничего в ней принципиально не меняя. Общество залечивало раны; стараясь забыть о войне оно ловко уклонялось от всяких конфликтов. Тем временем, сама власть не теряла времени даром. Она укрепила главное звено - связь с районами.

Душанбе сам по себе традиционно не решал и не решает ничего в таджикской политике. Это не столько город, сколько территория, лакомый плацдарм с цитаделью посередине. У нас нет такой категории «душанбинцы». Есть балагуры «румони», их антипод - пуритане «вахъёчи» (по названиям кишлаков в Согде и Припамирье), но нет «душанбеги», хотя жители столицы составляют почти пятую часть населения

страны. В Душанбе живут и румони и вахъёчи и еще десятки других общин, относящихся к одной национальности, говорящих на одном языке и исповедующих одну религию. Живут рядом, но не вместе. У таджиков нет объединяющего национального центра в виде «плавильного котла» городской цивилизации. Взамен ее, у них есть упрямая аграрная периферия. Соответственно, главным элементом воспроизводства власти в стране являются субнациональные (региональные) структуры, а главной составляющей национального сознания – поощряемый государством этнический (негражданский) национализм, круто замешанный на местничестве. Те, кто опасается возрождения коммунизма или радикализации исламистов в нашей стране могут расслабиться. Неуловимого Усамо бинни Лодана в Таджикистане ждет глубочайшее разочарование. Все его «неофундаментализмы» и «джихады», рожденные в грязноватых мусульманских гетто европейских городов и в пыльных пакистанских медресе бьет одной левой наше доморощенное местничество – «махалгарои».

Махалгарои - это таджикский вариант местничества с элементами трайбализма. Современное таджикское общество фрагментировано, аграрно и глубоко провинциально. Национализм находится на самой начальной – эмоциональной – стадии своего развития. Размежевание в обществе проходит не по политическому (левые-правые, коммунисты-исламисты, и т. д.), а по этнорегиональному признаку. Это значит, что мулла или коммунист района «А» не окажут поддержки мулле или коммунисту района «Б». Скорее, мулла сговорится с коммунистом из своего района. Точно так же таджикский филолог, спустившийся некогда (давным-давно, сам не помнит когда!) в Душанбе из района с преобладанием холмистой местности проголосует на выборах в академию против своего коллеги, не потому, что тот не разбирается в филологии, а потому, что имел несчастье спуститься в столицу с противоположной стороны. Оттуда, где преобладает кочковатый такой ландшафт, не холмистый совсем. Следуя этому принципу «лучше плохой, но свой, чем хороший, но чужой», провинциальный историк сидя в Душанбе прежде чем давать оценку тому или иному деятелю прошлого, вначале поинтересуется: из каких краев тот родом? Тому, кто из «неправильного» района может не повезти: таджикская история богата, на всех компромат найдется! Вот и получается, что коммунисты, исламисты, филологи и историки из холмистого района собьются в одну кучку, а их квази-коллеги и квази-друзья по партии из кочковатого района образуют свою «группу солидарности». Каждый поддержит своего не потому что тот

лучше, а потому, что – свой. Можно конечно поддержать чужого, но только если это в интересах укрепления общины. Филология и историография как науки и политические партии как институты при этом оказываются в явном проигрыше.

Земляческие привязанности сделаны из прочнейшего материала. Тем не менее, общины так и не превратились в политические ассоциации и не научились выдвигать из своей среды истинно народных – легитимных - лидеров. Традиционные общественные структуры оказались слишком архаичными, чтобы выработать концепцию народного суверенитета хотя бы на уровне районов. Общины остаются оторванными от реальной политики и неспособными противостоять персонифицированной власти местных политических предпринимателей, которые коррумпируют коммунальные региональные структуры для обслуживания своих индивидуальных и групповых интересов.

Местничество это реликт аполитичной – догосударственной - культуры таджиков. Его идеал архаичен и примитивен: обеспечить жизнеспособность, покой и устойчивость общины, в которой все знакомы друг с другом и сообща создают и оберегают историю. Похожее местничество и трайбализм можно найти и в других странах региона, но только в Таджикистане (а еще раньше в Афганистане) оно стало причиной братоубийства. (Братскому Кыргызстану пока удастся удержать общины от конфликта. Пожелаем же ему успехов в этом)

Главная причина живучести общинных привязанностей– историческая, а именно несытое пастушеское прошлое, отсутствие достаточного опыта проживания в едином государстве и стойкое недоверие к центральной власти, вызванное непропорциональным развитием регионов в советское время. Пастушеские сообщества всегда надеялись только на себя, особенно в том, что касалось защиты от соседей и государства. Чем дальше от оживленных городских центров и благодатных плодородных оазисов, чем грубее и суровее окружающий ландшафт, тем крепче общинный дух, суше порох и выше готовность бороться за выживание всеми доступными средствами не исключая насилие. Если учесть, что Таджикская республика в 1924 г. вобрала в себя преимущественно периферийные аграрные территории, никогда не знавшие прямого государственного контроля, то можно понять причину живучести махалгарои.

Не удивительно, что властный центр в Душанбе предпочитает иметь дело с лидерами из регионов в ущерб прямому диалогу с нарождающимся гражданским обществом и политическими партиями. При этом он пытается узаконить неравенство

регионов, устанавливая доминирование одних и эксплуатируя других. Подобные взаимоотношения появились в те далекие времена тогда когда из-за нехватки ресурсов, для того чтобы выжить, приходилось прибегать к насилию. Чтобы выжить в противостоянии с репрессивным центром, подчинённые регионы вынуждены развивать групповое сознание в ущерб общенациональному. В свою очередь, правящая элита, вздумай отказаться от исключительной поддержки своих земляков чтобы подняться на национальную орбиту и обеспечить равные права всем регионам, рискует потерять доверие своего региона. Чтобы избежать поражения она вынуждена растить свои мускулы, прибирая к рукам общенациональные ресурсы. При этом она использует государственный аппарат, его институты, законодательство и судопроизводство, правоохранительные органы для ослабления, подчинения и – если надо – физического подавления своих действующих и потенциальных противников. На это расходуется немало энергии, средств и ... рабочего времени. Собственно национальные интересы при этом отступают на второй план. Таким образом, слабое государство не только допускает местничество, оно его культивирует. И наоборот, местничество делает государство слабым. Круг замыкается. Энт Геллнер назвал такой тип отношений «тиранией кузенов». Власть держится на хрупком контракте, заключенном обитателями цитадели в Душанбе с её однородным квази-кровнородственным составом с одной стороны, и региональных лидеров - с другой. Эта архаичная система, достойная внимания великого ибн Халдуна, изучавшего племена средневекового Магриба, способна выполнить программу-минимум пост-конфликтного периода – не дать возобновиться войне десятилетней давности. В центр внимания такой власти помещены не столько экономика и устойчивое развитие, сколько забота о том, как распределить имеющиеся в наличии ресурсы между своими сторонниками, чтобы обеспечить собственное выживание. Для устойчивого мира и поступательного развития такая система власти малопригодна.

Сохраняющееся фактическое региональное неравенство ставит непроходимый заслон для развития гражданского национализма, отправной точкой которого является равенство всех членов нации. Пока что, ни о какой меритократии (власти талантливых), профессиональном отборе во власть и стратегическом планировании развития страны речи быть не может. Космополитам, технократам, профессионалам, а также лицам с размытым или неподходящим региональным происхождением, не говоря о не-таджиках вход во власть воспрещен. То же относится к особам женского пола. Процесс контролируется узким кругом земляков, облаченных в дорогие

костюмы и связанных между собой эмоциональными, кровными и потому чрезвычайно крепкими, узами. Их власть персонифицирована и проявляется в скрытой форме, оставаясь вне досягаемости судебной власти. Она не терпит контроля со стороны, чревата возобновлением межобщинного кровопролития. Она сопротивляется институционализации, гласности, прозрачности и идеальна для развития и поддержания коррупции. «Тирания кузенов», наконец, препятствует возникновению бюрократии как важного звена социального контроля и аполитичного, устойчивого, рационального механизма достижения долгосрочных организационных целей. Систему поощрения и материальной поддержки власть придержащих, с ее чисто символическими окладами, не идущими ни в какое сравнение с реальными доходами можно назвать «кормлением кузенов». Своими корнями она также уходит в далекое феодальное прошлое.

Там, где статус важнее контракта, где нет равенства и свободного соревнования, там нет и не может быть развития. Медленное развитие может и будет, но на фоне прогресса на глобальном уровне оно будет рассматриваться как топтание на месте если не движение вспять. Последствия такой системы, это то, что названо исследователем Дерлугьяном (изучавшим проблемы Северного Кавказа) демодернизацией, де-урбанизацией и инволюцией. Последнее подразумевает возвращение к первичному состоянию, когда при сохранении основных системных закономерностей с каждым витком спирали развития всё становится мельче и хуже качеством. Краны вроде есть, но из них течет черная жижа, киностудия вроде есть, но нет кино, газеты вроде появляются, но только раз в неделю, школы вроде есть, но ученики в учебное время катают тачки и моют машины, а учителя торгуют на базаре. Народ, некогда прославившийся на весь мир своим умением писать, переписывать и распространять книги еще грамотен, но читать нечего: в столице нет ни одного современного книжного магазина. Сельское хозяйство и сельский быт разрушаются, а города (в том числе российские) заполняет безработная, маргинализованная таджикская молодежь. На село она так и не вернется, а городской никогда не станет. Бесконфликтная интерграция таджикских гастарбайтеров в российское общество также маловероятна. По некоторым данным, столица, рассчитанная на 600 000 сегодня вмещает более полутора миллиона жителей. Душанбе не в состоянии урбанизировать всю эту массу. Более того, сам город поглощается окраиной, перенимая чуждую ему субкультуру.

Таким образом, центральная власть все еще воспринимается как сильнейшая региональная группировка, распространяющая свое доминирование, а не как общенациональная сила, объединяющая все регионы и выступающая арбитром, устраняющим противоречия на субнациональном уровне. Несмотря на то, что ей практически ничто и никто не мешает (кроме ее самой!), власть слаба и нестабильна. Ее слабость кроется в самом принципе комплектования, в котором региональная принадлежность и персональная лояльность заменяет компетенцию и профессионализм.

Имеющееся согласие между региональными элитами, впрочем, временно и непрочное. Консенсус основан на далеко не равном распределении политической власти и ресурсов. Как ни дели пирог – все равно кому-то достанется меньше. Да и сам пирог невелик. Таджикистан – бедная страна и ресурсов для неослабевающих appetитов всех «кузенов» не хватает. Кроме политической власти и административных ресурсов есть живые деньги в виде зарубежных инвестиций, кредитов, гуманитарной помощи и грантов, но которые – вот незадача – поступают с интервалами. Как признавался подпольный миллионер Корейко очаровательной Зосе Синицкой: «Это возмутительно, что жалование платят крайне нерегулярно!» Нехватка внутренних ресурсов и нерегулярность поступающих извне материальных и денежных потоков вызывают нервозность и текучку кадров на политическом Олимпе. Растет число покинувших власть не по своей воле. Недавняя таджикская (а также киргизская) история показала, как вчерашние союзники и соратники, выбывая из круга «сильных мира сего», превращаются в непримиримых врагов власти. Чтобы обезопасить себя, правительству приходится тратить немало времени, усилий и ресурсов (в том числе рабочего времени) на их нейтрализацию. При этом, оно наносит немалый ущерб своему имиджу как внутри страны, так и за ее пределами.

Совершенно очевидно, что если завтра какому-нибудь выпавшему из обоймы «кузену» захочется проверить власть на прочность, скажем, под видом «цветной» революции, общество не проявит должную гражданскую зрелость. Равнодушие к власти идет от отсутствия единства в обществе. Пропагандистские кампании предпринимаемые с легкой руки карьерных аппаратчиков и обществоведов из числа «таджикских патриотов», которые ведут между собой непримиримую борьбу за престиж и доступ к официальной власти, создавая причудливые «проекты века», завиральные исторические мифы и хвастливые теории не производят, в лучшем случае, никакого результата. В худшем же, они сеют межобщинную вражду,

культивируют местничество и уродливый национал-расизм. Усугубляя раскол общества, они уводят его в сторону от реальных экономических и общественно-политических проблем. Приоритет отдается псевдо-гуманитарному знанию и любованию прошлым, в ущерб точным и естественным наукам, урбанизации, технологизму и индустриализму. Основной костяк национальной интеллигенции, сформировавшейся в советское время, выталкивается на периферию политической и культурной жизни. Он или покидает страну, или идет просителем в международные фонды, или развращается подачками с «царского стола», или просто мельчает, опускаясь на районный уровень и выпуская красочные издания «О выдающихся выходцах района «N». (Не удивительно, что единственная книга о выдающихся личностях Таджикистана была написана американцем - Ираджем Башири.)

Чем слабее внутреннее единство, тем выше зависимость от внешних сил. Жизнеспособность и стабильность страны во многом обеспечивается поддержкой международных центров власти, таких как Белый дом, Кремль, европейские и региональные правительства, крупные промышленные кампании, международные финансовые институты, ООН, ОБСЕ и некоторые международные НПО (крупнейшие из них Ага Хан и Сорос). Поступаемая извне помощь однако несогласована, нерегулярна и нестабильна. Ситуацию также осложняет отсутствие согласия среди международных акторов, влияющих на безопасность в Таджикистане. Имеются ввиду разногласия между США с одной стороны и Китаем с Россией – с другой. Не надо быть провидцем, чтобы предположить, кто именно окажется «крайним» в этом споре гигантов. Совершенно очевидно, что они не станут портить отношения из-за Таджикистана. Слабое государство – никудышный партнер. Его интересами поступаются в первую очередь.

Угрозы Таджикистану, таким образом исходят как изнутри так и снаружи. Ситуация осложняется слабостью политических партий, независимой прессы, гражданского общества, эффективной судебной власти, неподкупной милиции, которые бы смогли выступить в качестве посредников в случае возникновения внутренних конфликтов. На международном уровне Таджикистан также слабо защищён от возможных конфликтов и посягательств на свой суверенитет.

Таким образом, первостепенной проблемой таджикского государства является неэффективность и слабость власти, ее нежелание и неумение реформироваться и мобилизовать национальные ресурсы. В самом же обществе отсутствует единство и согласие по ключевым политическим вопросам. Раньше законность и сакральность

власти обеспечивалась харизмой национальных лидеров, религией, коммунистической идеологией. Но как сегодня убедить народ – что это и есть ЕГО власть и что она неприкосновенна? Надо отдать должное правительству, которое при помощи спонсоров мирного процесса примирилось с оппозицией, разоружило боевиков, восстановило основные государственные институты и сохранило целостность государства. При этом оно заслуженно пользовалось поддержкой подавляющей части населения. Консолидация власти, в том числе президентской, оправдана в моменты кризиса. Это понимали все.

Однако, кризисы не могут длиться пятилетками. Как показали последние события на пост-советском пространстве, век авторитаризма уходит в прошлое. Справедливость же, даже если ее поиски могут вызвать дестабилизацию, стала неизмеримо большей ценностью, чем была еще вчера. Можно назвать это новой волной демократизации, а можно и жадной реформ. Не секрет, что демократизация может обернуться «демократизацией» и ее плодами могут воспользоваться «кузены», но это уже другой вопрос. История учит, что она ничему не учит.

Для Таджикистана важно добиться скорейших и реальных перемен к лучшему и при этом не допустить дестабилизации. Ещё одной революции - родной сестры гражданской войны - стране не выдержать. Революционное (даже бескровное, что мало вероятно) устранение «тирании кузенов» высвободит силы (религиозные группы, политические движения, регионы, национальные общины), которые они (кузены) прежде сдерживали и подавляли. Эти бесправные и обездоленные силы могут использовать лозунги народовластия для того чтобы усугубить ситуацию с безопасностью.

Что же делать? Увы, универсальной формулы решения этой классической дилеммы между безопасностью и развитием нет, и каждому народу предстоит решить ее по-своему.

И все же, выход есть. Он в обеспечении стабильности через развитие и демократию. Таджикистану следует завершить наконец затянувшийся процесс политической консолидации и перейти от послевоенного «восстановления» к устойчивому развитию. Стране нужны инвесторы, но еще больше нужны новые элиты, идеи и подходы. Не следует забывать, что одной из главнейших причин «цветных» революций является самоблокада правящего класса от притока новых лидеров. Регионам и общинам же следует уяснить, что сегодня, чтобы выжить, не обязательно драться за обладание ресурсами. А вот думать не помешает. Иначе

Таджикистану придется смириться с застоем, прозябанием и унижительной ролью потребителей во всеобщем процессе глобализации. Не надо обманывать самих себя, никому Таджикистан - какой он есть сегодня, со своим миллионом гастарбайтеров - не нужен. Хотя бы потому, что до Китая с его миллиардом рабочих сил рукой подать!

Для того чтобы справиться со стоящими проблемами, не надо копировать чужой опыт или звать кого-то на помощь. Надо высвободить внутренние ресурсы и развивать народовластие, понимаемое как демократизацию существующих политических процедур, налаживание нормального политического процесса с использованием потенциала гражданского общества и политических партий. Соединить наконец высочайший гражданский дух таджикских общин с современностью. Необходима новая философия развития, в которой обращенный в прошлое культ (и шельмование) мертвых и набивший оскомину «этнофольклор» (когда на всемирную выставку достижений за неимением оных приходится посылать народные поделки и ансамбль сельской самодеятельности) должны быть заменены на нацеленный в будущее новаторский, рациональный индустриализм.

Целью национального развития должна стать интеграция всех без исключения территорий и общин, населенных таджиками, таджичками, таджикистанцами и таджикистанками, а также внимание к каждой отдельной личности, ее максимальному культурному самовыражению. Современность несовместима с архаичным местничеством, дискриминирующим целые регионы, принижающим разум перед силой, отталкивающим национальные, социальные и возрастные группы и устанавливающим приоритет села над городом.